

наконец, от набивших оскомину стереотипов, всесторонне и правдиво изложить вновь осмысленные факты. Книга А.В. Сперанского в значительной мере содействует и совершенствованию военно-патриотического воспитания россиян, что даёт возможность рекомендовать её

не только историкам-профессионалам, но и самой широкой читательской аудитории, интересующейся отечественной историей и её региональной составляющей.

Е.Т. Артёмов

St. Merl. Politische Kommunikation in der Diktatur. Deutschland und die Sowjetunion im Vergleich. Göttingen: Wallstein-Verlag, 2012. 184 S.*

Сравнение европейских диктаторских режимов не является для историографии новой темой¹, тем не менее на протяжении многих лет она не теряет своей актуальности – для её исследователей открываются всё новые перспективы и параметры сопоставления. Немецкий историк Штефан Мерль (Билифельд) в своём компаративном анализе политических режимов национал-социалистической Германии, Советского Союза и ГДР в качестве ключевого исследовательского ракурса избирает политическую коммуникацию, основными чертами которой определяет нацеленность на максимальный охват аудитории и широкое воздействие на массы. По мнению автора, политическими считаются только те коммуникативные стратегии, с помощью которых неограниченная государственная власть пытается передать надындивидуальным единицам (нации, народному сообществу) определённые ценности, образующие фундамент коллективной идентичности. При этом неотъемлемой частью данных стратегий является не только говорение, но и оборотная сторона дискурсивных практик – умолчание; результатом же специфической коммуникации диктатур становится феномен приватизации политического пространства и политизации частного.

В исследовании Ш. Мерля поставлены следующие ключевые вопросы: с помощью каких коммуникативных техник удавалось вовлекать массы в сформулированную власть и транслировавшуюся сверху коллективную идентичность; какие приёмы и каналы коммуникации

позволяли на протяжении десятилетий поддерживать господствующие идеологии, оставляя их вне критики и нападок снизу; как с помощью политической коммуникации диктатуры приспосабливались к менявшимся условиям «экстремального столетия». Применяв свою концепцию к анализируемому материалу, Ш. Мерль пришёл к выводу о значимой роли политической коммуникации не только в генезисе диктаторских режимов, но также в их устойчивости и разрушении.

Книга представляет собой критическое обобщение обширного корпуса исследовательской литературы по «истории диктатур», являясь своеобразным моментальным снимком современного состояния изучения этого тематического поля. При этом автор не только резюмирует, но и пересматривает устойчивые научные представления, связанные с диктатурами, например: о политизации молодёжи, существовании свободных от контроля ниш, о решающей роли пропаганды западногерманского потребления в развале ГДР и т.д. Оговаривая всепроницаемость потоков властной коммуникации в диктатурах, Ш. Мерль вместе с тем признаёт ограниченность распространения авторитарного новояза городской средой, а в случае с ГДР подчёркивает закрытость от него приватного пространства. Амбициозность исследовательского замысла – прежде всего относительно современных тенденций развития историографического ландшафта, где наиболее разработанными оказались вопросы, связанные с историей национал-социализма и раннего

* Мерль Ш. Политическая коммуникация в диктатуре. Германия и Советский Союз в сравнении. Гёттинген: Вальштайн-ферлаг, 2012. 184 с.

сталинизма, – обусловила дисбаланс авторского анализа.

Ш. Мерль, как и большинство его предшественников, в качестве каналов и средств политической коммуникации в диктатурах рассматривает публичные собрания с их ритуальной партисипативностью, досугово-развлекательные мероприятия, газеты, радио и письма. Организация открытых собраний с иллюзорной свободой прений и коллегиальностью принятия решений на самом деле являлась для диктатур одним из ключевых способов контроля. По мнению автора, и простым участникам подобных мероприятий, и их организаторам было понятно, что голосование по любому вопросу по сути своей являлось проверкой лояльности конкретного гражданина по отношению к существующей государственной власти в целом. Итогом молчаливой договорённости становилось единогласное принятие нужных руководству постановлений, сам же эффект участия в голосовании заставлял присутствовавших на этих мероприятиях идентифицировать себя с принятыми решениями (S. 68). Несмотря на то, что власть всячески поощряла участие населения в деятельности различных публичных комитетов (для их активистов открывались возможности социального взлёта), на деле граждане получали лишь видимость своего влияния на происходившие в стране политические процессы.

Иной случай – тайное голосование на избирательных участках, результаты которого (например, комментарии на бюллетенях), по мнению автора книги, также являются своеобразными проявлениями политической коммуникации. Согласно Ш. Мерлю, граждане воспринимали и оценивали свои действия в рамках избирательной системы как своего рода бартерный обмен с властью: с одной стороны, голоса электората в пользу кандидатов от правящей партии (и её самой в целом), с другой – улучшение социально-политической ситуации в стране (S. 97). Ту же коммуникативную функцию выполняли доносы, являвшиеся не столько свидетельством фанатичной убеждённости их авторов в идеологических основах диктатуры, сколько прикрытием для решения их конкретных межличностных, бытовых

и карьерных проблем. Именно по этой причине, считает автор, доносы не могут рассматриваться как приводной механизм властного террора, так как само преследование инакомыслящих осуществлялось на иной основе (S. 96).

Ш. Мерль особо выделяет роль писем как средства, позволявшего центру контролировать деятельность местных чиновников; а также формы обратной связи, свидетельствовавшей о степени воздействия или неудачах пропагандистских усилий; способа поддержания воображаемого контакта пишущего населения с властителями. Думается, что значение данной коммуникативной практики для Советского Союза всё же несколько завышено, так как стартовавший в первые годы советской власти процесс приобщения к грамоте основной массы населения не смог дать столь быстрых результатов и привести к превращению писем в сколько-нибудь действенный канал контроля за населением и приобщения последнего к господствовавшей идеологии. Это подтверждает и сам автор: ежегодно количество «писавших во власть» не превышало 2% населения (S. 86–87). Однако замечу, что проблема отказа от использования этого канала политической коммуникации со стороны остальных 98% заслуживает отдельного исследования.

Одной из задач авторского анализа стало выявление взаимосвязи властных практик в СССР и Третьем рейхе. Увиденная Ш. Мерлем параллель в развитии политической коммуникации в установившихся там диктатурах обосновывается внутренними закономерностями их развития. К примеру, он утверждает, что с середины 1930-х гг. национал-социализм и сталинизм независимо друг от друга «осознали» недостаточность традиционной политической пропаганды и включили в палитру средств агитационного воздействия и контроля сферу досуга и развлечений. Именно здесь усвоение политических идей могло происходить в едином коммуникационном пространстве вне социальных, гендерных и возрастных различий (S. 75). С другой стороны, автор подчёркивает, что диктатуры, точнее сами диктаторы, следили за «успехами» друг друга в сфере пропаганды.

Здесь, как и в целом в книге, желательнее было бы не столько сравнение диктатур друг с другом, сколько помещению их в общецивилизационный контекст, что позволило бы действительно установить специфику политической коммуникации в зависимости от политического режима, либо, напротив, обсуждение характерных (в том числе и для «демократий») приёмов приобщения населения к господствующим идеологиям. Особенно показательным в этом плане выглядит пример автора со «сталинской» поваренной книгой, через которую советский диктатор, по мнению Ш. Мерля, регламентировал процесс ведения домашнего хозяйства в стране. Излишне говорить о существовании в этот же период идентичных практик «дисциплинирования домохозяек» в странах противоположного идеологического полюса².

Одним из ключевых пунктов авторского анализа стала попытка выявления коммуникационных механизмов приспособления диктатур к меняющейся политической ситуации. Признавая «чрезвычайную пластичность» режимов, Ш. Мерль, тем не менее, подчёркивает многочисленные сбои при попытках диктатур адаптировать коммуникативные практики. Яркой иллюстрацией, по его мнению, является политическая линия Н.С. Хрущёва, который хотя и стремился придерживаться решающих элементов коммуникации, выработанных в предыдущий период, однако своим популистским поведением опасно приблизился к народу, нарушив устойчивость соответствующих структур. Снятие его с должности, напротив, было разыграно по традиционному сценарию политической коммуникации – как свержение незаконного царя.

В качестве положительных примеров приспособления коммуникации к изменившимся условиям Ш. Мерль приводит отказ Л.И. Брежнева от мобилизационных практик и проведённую им трансформацию режима в «диктатуру памяти» – использование символического потенциала Дня Победы. Однако подобная трансформация, считает автор, стабилизовавшая на некоторое время сам политический режим, оказалась удачной лишь в Советском Союзе. Нарушение данных практик

в период перестройки Ш. Мерль назвал причиной падения диктатуры в стране. Дозволение и даже стимулирование М.С. Горбачёвым общественной дискуссии по вопросу о средствах достижения коммунизма и его окончательном облике спровоцировали необратимые процессы дестабилизации самого режима. Неслучайно восточногерманское руководство отрицательно и, в конечном счёте, «беспомощно» реагировало на возникший в Советском Союзе альтернативный дискурс, но так и не сумело стабилизировать в своей стране коммуникативное пространство.

Особо отмечу, что финальная фаза авторского анализа всё-таки не избавлена от налёта фатализма – не доводится до конца исследование степени пластичности и заостренности диктатур, кроме того, не уделяется должного внимания изменившимся средствам и каналам коммуникации, в частности телевидению.

Важным механизмом контроля политической коммуникации и действий населения в целом Ш. Мерль считает «взгляд сквозь пальцы» и отступление самой власти от установленных ею норм. Подобные практики применялись как в сфере экономики (допущение коррупционных действий в целях реализации плановых цифр директорами предприятий), так и в сфере правосудия (неопределённость норм, целенаправленно поддерживаемая противоречивость между буквой закона и правоприменительной практикой). Однако иллюстративные примеры, избранные автором, не всегда выглядят убедительными. Так, он обращается к действовавшему в СССР во время голода 1932 г. закону о краже социалистической собственности, каравшему преступников смертной казнью за нарушение установленных правовых норм. Несколько тысяч приведённых в исполнение приговоров Ш. Мерль характеризует как «толерантность» власти в масштабе всеобщего нарушения норм, которая превращала опасность наказания в «скорее ограниченную» категорию. Ещё одним подтверждением стремления власти оставить население в неведении о действующих нормах являются для автора допущение молодёжных течений (например, стиляг) и прослушивание западных радиопередач в ГДР. В указанных

случаях вызывают сомнения намеренность действий власти и сознательная рефлексия всем населением «правил игры». В большей степени противоречия между лозунгами и практикой выглядят подтверждением отсутствия чётко выверенного и однозначного плана действий, импровизированного характера многих политических мероприятий и даже концепций, следования населения не столько молчаливой сделке с властителями, сколько насущным потребностям выживания.

Не уделив должного внимания описанию способов и механизмов складывания самого пространства политической коммуникации, автор оставляет у читателя весьма противоречивое впечатление о её сущности в условиях диктатур и об их собственной природе. С одной стороны, диктатуры выглядят всепроникающими химерами, чётко и точно просчитывающими абсолютно все свои шаги, реакцию оппонентов и послушных подданных. Так, даже отсутствие у власти ГДР карательных мер по отношению к движению

худистов трактуется как целенаправленная компенсация производственных дефицитов лёгкой промышленности страны. Достаточно часто химеры приобретают весьма конкретное личностное выражение – в персонах Сталина, Гитлера и других политиков. С другой стороны, для диктатуры – этого сконструированного (в том числе и автором книги) монстра – характерны признаки спонтанности и непоследовательности действий, импровизации, стихийности и беспомощности при формировании политических решений, а также разительное сходство с политической коммуникацией «недиктатур».

О.С. Нагорная

Примечания

¹ См., например: *Schmiechen-Ackermann D. Diktaturen im Vergleich*. Berlin, 2010; *Plaggenborg S. Ordnung und Gewalt. Kemalismus – Faschismus – Sozialismus*. München, 2012.

² См.: *Rombauer I.S. The Joy of Cooking*. Indianapolis, 1931.

Историография сегодня: миры историков, идей и читателей*

Множественно отмечалось, что усиление внимания к историографическим сюжетам связано со вступлением отечественной исторической науки в новый этап её развития, когда смена парадигм требует осмысления достигнутого и постановки ещё не решённых задач, а также заполнения имеющихся лакун в познании прошлого. Тем самым историографии отводилась роль если не вспомогательной, то, по крайней мере, подчинённой дисциплины. Изменение методологических подходов на рубеже столетий позволило существенно расширить данное представление.

Одним из свидетельств этого стали подготовленные учёными Омского государственного университета сборники «Мир историка». Первый из них увидел

свет в 2005 г., а в 2013 г. появился уже восьмой выпуск, ответственными редакторами которого выступили В.П. Корзун и С.П. Бычков. Составители и редакторы сборника пытались выявить черты, отличающие современные историографические исследования. В частности, они отмечают усиление внимания не только к миру идей, привычному для традиционной историографии, и функционированию историков в научном сообществе, но и к представлениям читателя о результатах деятельности профессиональных исследователей. Таким образом, данный выпуск, «не претендуя на всеохватывающую полноту, всё же демонстрирует основные цвета разнообразного спектра отечественной историографии» (с. 8).

* Мир историка. Историографический сборник. Вып. 8. Омск: Изд-во Омского государственного университета, 2013. 336 с.